

Труды Отдела древне-русской литературы
Том 6

Москва
«Книга по Требованию»

Т11 Труды Отдела древне-русской литературы: Том 6 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 422 с.

ISBN 978-5-458-62827-3

Содержание: Адрианова-Перетц В. П. Основные задачи изучения древне-русской литературы в исследованиях 1917—1947 гг. . — С. 5—14; Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» в советском литературоведении. — С. 15—23; Робинсон А. Н. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков 1642 г. . — С. 24; Лапицкий И. П. Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в. . — С. 60—99; Лихачев Д. С. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. . — С. 100—110; Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — С. 111—124; Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — С. 125—153. — Из содерж. : Полоцкий Симеон. Предисловие к благочестивому читателю [«Вертограда многоцветного»]. — С. 147—150; Полоцкий Симеон. Предисловие к благочестивому читателю [«Рифмологиона»]. — С. 150—153; Евгеньева А. П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. : (постоянный эпитет). — С. 154—189; Материалы и сообщения. — С. 191—404; Малышев В. И. Новый список Слова Даниила Заточника. — С. 193—200. — Из содерж. : Слово Даниила Заточника, еже написа своему князю Ярославу. — С. 195—200; Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина»: (опыт реконструкции авторского текста). — С. 201—255; Скрипиль М. О. Повесть об Улянии Осорьиной: (исторические комментарии и тексты). — С. 256—323; Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. . — С. 324—333; Скрипиль М. О. [Предисловие]. — С. 324; Повесть о разуме человеческом. — С. 324—327; Слово о купце и сыне его и жене сыновне. — С. 327—328; Повесть о купце Григории. — С. 328—333; Лихачев Д. С. Плач о реке Нарове 1665 г. . — С. 333—338; Ширяева П. Г. , Кравчинская В. А. Две былины в записях конца XVII—XVIII вв. . — С. 339—371; Малышев В. И. Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме. — С. 372—375; Щеглова С. А. Неизвестная драма о смерти Петра I. — С. 376—404; Хроника. — С. 405—413; Д. Л. Юбилей члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — С. 407—409; Гудзий Н. К. С. А. Бугославский: (Некролог). — С. 410—413;

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

**Основные задачи изучения древне-русской литературы
в исследованиях 1917—1947 гг.¹**

Советское литературоведение в минувшие тридцать лет шло трудным, но плодотворным путем освобождения от методологических ошибок прошлого, которые искажали верное представление о сущности литературного развития и не позволяли правильно оценить отдельные литературные памятники. Однако традиции буржуазного литературоведения не преодолены ещё до конца. Критическое отношение к этим традициям притуплялось в целом ряде исследований отходом от центральных проблем литературоведения и, прежде всего, от проблем национального своеобразия и классового осмысления литературы. Этим объясняются попытки сделать для советского литературоведения пригодными некоторые методологические приемы Веселовского, принципиально неверный подход к вопросу о литературных влияниях, преувеличенное внимание к „маленькому кругу профессиональных интересов“ (Ленин).

Всех этих методологических ошибок не избежал и ряд исследований по истории древнерусской литературы, вышедших за последние тридцать лет. Беспощадная борьба с такими пережитками методологии буржуазного литературоведения — первоочередная и неотложная задача советской науки.

Однако, подводя итоги научной разработке литературного наследия русского средневековья, мы можем отметить и ряд достижений и новую, принципиально правильную постановку основных проблем истории древнерусской литературы.

Дореволюционная наука о древнерусской литературе открыла основной репертуар памятников, которыми и до сих пор оперирует исследователь. Новая точка зрения на этот репертуар и пополнение его новыми находками и включением в кругозор литературоведа произведений,

---

¹ Доклад, прочитанный на юбилейной сессии Института литературы Академии Наук СССР 15 октября 1947 г.

ранее остававшихся вне его поля зрения, радикально изменили наше представление о самом происхождении древнерусской литературы и о преобладающем ее характере.

Два тезиса прочно утвердились у дореволюционных историков древнерусской литературы: 1) русская литература возникла в XI в. под влиянием византийско-славянских образцов; 2) в течение XI—XVI вв. литература носила преимущественно религиозный характер и только в XVII в. началось ее „обмирщение“. Когда советские литературоведы широко вовлекли в круг своего изучения богатейший и разнообразный материал летописей и исторических повестей и подошли к этому материалу как к своеобразному литературному творчеству, — оба тезиса оказались неверными.

Согласованная работа историков и литературоведов над летописями показала, что не религиозно-дидактическая литература (в самом деле возникшая по образцу переводной), а историческое повествование в его многообразных разветвлениях представляет собой действительное начало русской литературы, что это начало вышло из глубоких народных корней, чем именно и обусловлено своеобразие литературной формы и мировоззрения первых русских писателей-историков; что воздействие на исторический стиль византийских исторических сочинений было явлением вторичным, гораздо более слабым, чем это представлялось раньше, притом и сказалось оно по преимуществу в XV—XVI вв., а не в период зарождения русской литературы.

Поставив в центре внимания исторические жанры, лишь в очень ограниченном количестве включавшиеся в историю литературы в дооктябрьский период, советские литературоведы опровергли и второй тезис своих предшественников: в свете нового материала и новой точки зрения на него стало ясно, что не религиозно-дидактическая, а историческая тема характеризует русскую литературу с ее начала почти до середины XVII в.; что эта тема проникает и в собственно религиозные жанры, нередко оттесняя на второй план их непосредственно религиозно-дидактические задачи. Религиозный жанр часто оказывается лишь специфичной для средневековья формой выражения все той же исторической темы. Такое перемещение внимания на иные группы памятников, вовлечение в исследование новых типов исторического повествования и истолкование всего этого материала с позиций марксистско-ленинского метода сказалось не только в трудах отдельных исследователей, но оно определило и характер нового опыта обобщения, сделанного в первых двух томах „Истории русской литературы“ коллективом специалистов, организованным сектором древнерусской литературы Института литературы АН СССР. Этот опыт завершал собою определенный этап в развитии нашей науки и вместе с тем своими проблемами и ошибками показывал путь ее дальнейшего движения.

Круг изучаемых советскими литературоведами памятников древнерусской литературы расширился не только за счет исторических жанров.

Разыскания и открытия в области повествовательной литературы, новые находки, обнаружившие существование своеобразной сатирической литературы посада XVII в., изучение досиллабического стихотворства и памятников старинного русского театра значительно пополнили теперь число памятников, входящих в историю литературы XI—XVII вв. Пристальное изучение этого нового материала в разных направлениях углубило наше понимание литературного развития древней Руси.

Публикация новых текстов заставила пересмотреть всю методику издания древнерусских литературных памятников, применявшуюся нашими предшественниками. В итоге было признано, что много изданий было в свое время сделано по случайным спискам, искажающим наше представление об авторских текстах, что история многих памятников в рукописной традиции показана „книговедчески“, т. е. без внутреннего осмысления исторической закономерности появления тех или иных „редакций“ памятников. Советские текстологи поставили перед собой ряд новых задач: 1) опубликовать, с учетом всего сохранившегося рукописного материала, не только неизданные еще памятники, но и те, приемы издания которых не отвечают новым научным требованиям; 2) дать предположительно восстановленные авторские тексты путем исключения позднейших добавлений и изменений, или хотя бы наиболее близкие к этим оригиналам редакции; 3) создать на основе подготовленного такими изданиями материала „Библиотеку древнерусской литературы“; 4) показать в последовательных изменениях первоначального текста памятников под рукой редакторов-переписчиков закономерное отражение изменений классово-эстетического сознания, переживаний разных общественных групп в разные исторические моменты, выразившееся в активном отношении читателей к старому литературному тексту; такое изучение „редакций“ литературных произведений, отодвинув „книговедческие“ задачи, на первый план поставит характеристику каждого нового вида старого памятника как закономерного продукта общественного сознания определенного исторического момента.

Общая перестройка науки об искусстве, вытекающая из принципов марксистско-ленинской методологии, и расширение самого репертуара древнерусской литературы поставили заново перед литературоведами проблему периодизации литературного развития XI—XVII вв. Заранее следует оговориться, что неразработанность исторической поэтики русского средневековья вынуждает пока основывать периодизацию главным образом на исторической схеме.

Опыты такого рода периодизации, учитывающей смену исторических эпох, делались и в дореволюционных обзорах. Однако принципиальное отличие от них советских „историй древнерусской литературы“ заключается в том, что коренным образом изменилось, в итоге перестройки советской исторической науки, само наше представление о ходе общественно-экономического и политического развития древней Руси. Неиз-

бежно по-новому поэтому представилась и смена литературных направлений, определявшихся этим развитием.

Значительными общественно-экономическими и политическими сдвигами границы литературных периодов определяются в наиболее типичных для нашего времени общих обзорах учебного и не учебного характера (см. три издания учебника для высших учебных заведений Н. К. Гудзия; три издания научно-популярного очерка академика А. С. Орлова „Древняя русская литература XI—XVI вв.“, в последнем издании дополненного главой о литературе XVII в.; учебник, изданный коллективом сотрудников Института литературы АН СССР, и, наконец, первые два тома „Истории русской литературы“, составляющие начало многотомного издания Института литературы АН СССР). Однако внутри намеченных в этих обзорах больших периодов необходимо дальнейшее членение материала, учитывающее и исторические и стилистические основания. Развитие литературы с точки зрения ее художественного выражения показано в этих обзорах далеко не достаточно: для полной картины этого развития недостает специальных исследований художественного стиля древней Руси.

Опираясь на итоги исследований общественно-экономической и политической истории древней Руси, литературоведы за минувшие три десятилетия стремились осветить и вопрос об отражении этой истории в литературных памятниках, показать их классовую сущность. Обстоятельствами классовой и политической борьбы мы можем теперь осмыслить появление и собственно исторических сочинений XI—XVII вв., и своеобразной публицистики этого времени, и беллетристики, и даже части религиозно-дидактической литературы. Классические исследования Ф. Энгельса учат нас правильному отношению к „религиозному облачению“ средневековой литературы, за которым мы видим теперь жизнь в значительной части разнообразных интересов, столкновений и устремлений. Конечно, далеко не все в этом направлении сделано для осмысления древнерусской литературы, но самая проблема поставлена и пути ее исследования намечены.

Изучение классовой сущности древнерусской литературы позволило широко поставить вопрос о „народности“ литературы XI—XVII вв., не ограничивая его, как это делалось прежде, указанием на отражения в литературе фольклора. Строгая историчность марксистско-ленинского метода направила внимание советских исследователей на ту лучшую часть древнерусской литературы, которая обнаруживает признаки подлинной народности: своеобразное выражение интересов народа, его прогрессивных устремлений, высокого гуманизма, хотя и облеченного в обязательные для средневековья формы христианского „милосердия“ и осуждения социального зла как „греха“ против религии и ее морали. Исследования такого типа нередко вскрывают глубокие противоречия между обязательной идеологией — феодальной и религиозной — с одной стороны, и требованиями, диктовавшимися реальными условиями жизни, —

с другой. Влияние определенной исторической обстановки на усиление „народности“ в литературе установлено пока, главным образом, в исторических жанрах; в полном объеме проблема народности еще не разрешена.

В связи с широкой постановкой проблемы народности древнерусской литературы, предстоит заново выяснить отношение книжной и устной литературы древней Руси. Советское литературоведение не может ограничиться указанием отдельных случаев отражения фольклора в литературных жанрах. Опровергая господствовавшее в дореволюционной науке представление об оторванности в средние века книжности от устной поэзии, исследователи за последние десятилетия доказали непрерывавшееся общение этих двух областей словесного творчества, наметили периоды, когда это общение становилось особенно оживленным, и поставили вопрос об исторической обусловленности процесса взаимодействия литературы и фольклора. Впереди большая работа над изучением того, как протекал этот процесс в каждую эпоху, в каждом литературном жанре, какую функцию выполняли элементы фольклора в формировании идейно-художественного своеобразия литературы, в чем их качественное отличие от специфически книжных.

Как уже сказано, углубленное изучение исторической темы в древнерусской литературе показало прочную связь литературы с реальной действительностью. Советские исследователи ставят задачу обнаружить те особые, специфичные именно для средневековья художественные средства, с помощью которых писатели выражали свое отношение к действительности. В свете такой постановки вопроса переоценивается, например, роль религиозного и религиозно-фантастического элементов в светской литературе. Достаточно вспомнить исследования биографий таких героев русского средневековья, как Александр Невский и Дмитрий Донской; функция религиозно-дидактических эпизодов в этих биографиях определена как закономерное для средневековья выражение высшей оценки их подвигов. Религиозная фантастика воинских повестей — знак особого покровительства божества правому делу или, наоборот, наказания „греховного“; этим своеобразным средством авторы выражали оправдание одной и осуждение другой стороны в феодальной борьбе или в борьбе русских с внешними врагами; религиозной фантастикой доказывалась правомочность того или иного политического действия, „чудесами“ и „видениями“ защищались областные сепаратисты от наступления централизующей московской власти и т. д.

Так открывался широкий простор для объяснения воздействия на светскую литературу религиозно-дидактических жанров, в свою очередь вместе с исторической темой впитывавших и элементы светского повествовательного стиля. Стало ясно, что историческая тема, проникая в религиозный жанр, разрушает его форму, вводя в нее элементы иного стиля. С другой стороны, религиозная форма, врывающаяся в исторический рассказ, заменяет условными схемами некоторые реальные его эпизоды.

В тесной связи с изучением проблемы „историзма“ в древнерусской литературе, начинается решительный пересмотр того, как выделилась из общего фонда древнерусской книжности собственно художественная литература, имевшая свои, независимые от задач исторического повествования, цели; когда и при каких условиях свободный вымысел сюжета заменил воспроизведение — более или менее точное — реально случившегося события.

Все эти вопросы намечаются уже в исследованиях последних лет, посвященных литературе XVII в. Вскрываются свободные вариации на исторические темы, которые не боятся анахронизмов, смелого перенесения на одно лицо эпизодов, приуроченных к другому, введения сказочной фантастики и т. д.; характеризуется сплетение вымысла с отголосками исторически точно переданных фактов в легендах, приближающихся, таким образом, к бытовой повести, и, наконец, определяются зачатки будущего романа.

Так подготавливается материал для установления признаков перелома в средневековой литературе, и появления качественно новых литературных явлений. Эти признаки и породившие их причины были сложны и многообразны. Решительно отвергая господствовавшее в дореволюционном литературоведении представление, будто одной из главных причин литературного перелома в середине XVII в. было „западное влияние“, советские исследователи связывают этот перелом с условиями общественной жизни, ростом значения демократических классов, выдвинувших свои интересы в обстановке начавшегося освобождения личности от средневековой авторитарности.

Изучая содержание литературы древней Руси и ставя проблему художественной формы литературы, мы неизбежно приходим к необходимости разобраться до конца в своеобразном мировоззрении средневековья, изучить склад понятий, господствовавший в эпоху феодализма на данном его этапе, способ воспринимать эти понятия, отражавшиеся и на отношении к фактам реальной действительности. Известно, что в средние века воздействие теории, системы, общепризнанных норм на сознание было значительным; между тем нельзя не признать, что для русского средневековья сделано еще далеко не достаточно, чтобы его мировоззрение предстало перед нами во всей отчетливости.

В любом общем обзоре мы найдем перечень тех памятников книжности „феодализованного христианства“, которые в течение всего средневековья входили в круг чтения образованного человека вообще, а следовательно, и большинства писателей и читателей. Общие обзоры дореволюционного времени ограничивались обычно информационно-библиографическими сведениями об этой книжности, давая формальные пересказы содержания наиболее популярных памятников. Учитывая зна-

чение этого рода книжности для формирования моральных норм, представлений о мироздании и общественных отношениях и т. д., т. е. всего того склада понятий, который отразился и в древнерусской литературе, советские литературоведы стремятся показать, что эта книжность давала русскому читателю, что она сама впитывала в себя; бытуя на русской почве, как преломлялись ее идеи и представления в классово-эстетическом сознании русского читателя.

Одностороннее отношение к вопросу о культурных связях древней Руси с соседями, как они сказались в литературе, привело к тому, что дореволюционное литературоведение почти исключительно занималось изучением перехода на Русь литературной культуры сначала византийской и югославянской, позднее — западнославянской и западноевропейской. В советском литературоведении начато исследование взаимоотношений древнерусской литературы с соседними, ее воздействия на зарубежные литературы.

Особое внимание привлекает проблема русско-славянских культурных взаимоотношений. Уже отмечен ряд фактов, свидетельствующих об усвоении южными и западными славянами памятников древнерусской литературы (и искусства). Однако советское литературоведение стремится расширить вопрос и, не ограничиваясь указаниями на заимствования одними славянскими народами у других, поставить проблему общности культуры славянских народов в средние века.

Эта именно общность служила и служит подлинной причиной интенсивного сближения культур русской и славянских на разных этапах их истории. Если в X в. русские легко понимали памятники, перешедшие к нам на юго-славянском (церковно-славянском) языке, то в XIV в. юго-славянские реформаторы литературного языка предлагали взять за образец русский литературный язык того времени, признавая его наиболее совершенным. Русский Хронограф становится с XV в. широко популярным на славянском юге. Число таких наблюдений растет, и при согласованной работе литературоведов и фольклористов русско-славянские культурные, в частности литературные, взаимоотношения в средние века представляются достаточно тесными.

Значительный шаг вперед сделало советское литературоведение в новой постановке проблемы художественной формы древнерусской литературы. Изучение этой формы — от языка как материала до поэтического стиля в целом — в ее историческом развитии, обусловленном мировоззрением средневековья, — очередная неотложная задача литературоведения.

Вслед за лингвистами (акад. С. П. Обнорским), выясняющими роль живого русского языка в процессе выработки литературной речи средневековья, литературоведы все более четко определяют границы применения двух разновидностей литературного языка, отказавшись от старой точки зрения, будто литературным языком древней Руси был всегда церковно-славянский, в той или иной мере пропитанный элементами

русского языка. Лингвистика и литературоведение советского времени установили, что в светской литературе, особенно старшего периода и второй половины XVII в., язык большинства памятников в своей основе — русский, но усваивающий некоторые черты церковно-славянского; в религиозно-дидактической литературе — в основном язык церковно-славянский, который, однако, прибегает к отдельным формам живой речи по связи с исторической или бытовой темой, когда она входит в содержание памятника. Так сделана существенная поправка к тезису об оторванности языка древнерусской литературы от русского языка в его живом применении.

Однако и в данном вопросе можно считать лишь правильно намеченным путь исследования. Самый процесс внедрения в литературу русского языка в его разнообразных видах (просторечный, фольклорный, документальный, воинский и т. д.), формы борьбы и объединения его с выработанными нормами книжного церковно-славянского языка, причины преобладания то одной, то другой языковой стихии, — все это темы, подлежащие разработке. В итоге должно быть представлено во всей полноте соотношение в литературном языке разных эпох обеих языковых стихий, определена зависимость этого соотношения от классового происхождения памятника, его жанра, общего направления литературной деятельности данного автора (если он известен) или господствующих в данной среде литературных вкусов и т. д. Тесное сотрудничество литературоведов с лингвистами в разработке всех этих вопросов необходимо.

С начала 30-х годов советскими литературоведами формулирована проблема исторической поэтики, обусловленной своеобразным мировоззрением средневековья и специфичными задачами древнерусского писателя. Опыты изучения древнерусской стилистики в историческом плане относятся еще к дореволюционному времени, однако даже у наиболее пристально занимавшихся данными вопросами исследователей самое направление работ было чисто эмпирическим и описательным, притом они чаще всего ограничивались „воинским“ стилем древней Руси. Повторяющаяся „формула“, как характерный признак этого стиля, не была объяснена с точки зрения своей функции и обусловленности задачами средневековой литературы.

За последние годы интерес исследователей к вопросам исторической поэтики, несомненно, оживился. Общее направление, в каком идут исследования русской культуры XI—XVII вв., захватило и опыты изучения древнерусской стилистики. Трудami специалистов по истории материальной культуры, изобразительного искусства и литературного языка древней Руси вскрыты глубокие национальные истоки всех этих разновидностей культуры; показано, что усвоение культурных достижений народов, соприкасавшихся в средние века с Русским государством, было творческим и что направление этого усвоения определялось той местной почвой, на которой оно происходило. Литературоведение в последние

годы ставит своей задачей подтвердить эти выводы на исследовании системы художественных средств древнерусской литературы.

В этих исследованиях предстоит прежде всего определить роль устной поэзии и образности живого русского языка (в разных его видах) в создании этой системы, с одной стороны, и, с другой — способ усвоения изобразительных приемов библейско-византийской литературы. Уже и то немногое, что сделано для изучения этих вопросов, привело к некоторым положительным результатам, намечающим путь исторического развития древнерусского художественного литературного стиля. Выясняется, что светская литература, в самый момент своего возникновения поставившая в центре внимания историческую тему, в способе ее выражения пошла по пути, проложенному национальными формами словесного творчества. Литературный эпос XI в. продолжил традиции устных эпических и отчасти лирических жанров и широко применил образность живого русского языка. Этими наблюдениями в корне подрывается представление о том, будто бы исходным в процессе образования литературного стиля древней Руси было усвоение переводной книжности.

Поставленный литературоведами вопрос о функции наиболее характерных приемов древнерусского литературного стиля разрешен пока еще применительно к части материала. Но и то, что сделано, позволяет наметить некоторые общие положения. Становится очевидно, что в литературе (как и в изобразительном искусстве и в фольклоре) русское средневековье принципиально стремилось прежде всего выразить общее, а не индивидуальное, независимо от того, шла ли речь о чертах положительных или отрицательных. Эти общие элементы в каждый исторический период получали и некое постоянное эстетическое выражение в слове, как для изобразительного искусства — в красках или архитектурных формах. Ставя вопрос о причинах стойкости форм такого художественного выражения, исследователи приходят к выводу, что замедленность общественного развития в средние века и наличие религиозного мировоззрения, связывавшего сознание твердо установленными нормами, надолго закрепляли в сознании определенные представления, а в искусстве — их художественное воплощение.

Таким образом, современное литературоведение подошло к объяснению давно уже выделенных в древнерусском литературном стиле повторяющихся приемов, „формул“. Эти „формулы“ представляются нам теперь особо выразительными средствами художественного языка, отобранными традицией потому, что они наилучше передавали отстоявшиеся в сознании нормы, представления. Они жили полноценно до тех пор, пока отвечали, таким образом, общественному и художественному сознанию.

Наметившиеся общие тенденции древнерусского литературного стиля должны изучаться в их историческом развитии. Предстоит разрешить вопрос о причинах разрушения средневековых литературных норм и выработки нового художественного стиля, найти объяснение этих явлений в росте общественного и художественного сознания.

Залог успешной работы над стоящими перед историками древнерусской литературы проблемами — в окончательном освобождении из плена методологических ошибок прошлого, в четком проведении принципа партийности науки. Отодвинув мелкие профессиональные вопросы, мы обязаны все свои силы сосредоточить на решении основных проблем классово-эстетического сознания древней Руси и представить в полный рост национальную самобытность литературного наследия древней Руси, обусловленного своеобразием русского исторического процесса.
